

Стилистические средства выражения трансгуманизма в цикле Максима Кидрука «Бот»

П. Н. Донец

Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского, г. Одесса, Украина
Corresponding author. E-mail: dp85@ukr.net

Paper received 25.12.19; Accepted for publication 13.01.20.

<https://doi.org/10.31174/SEND-Ph2020-216VIII64-04>

Аннотация. В статье рассматриваются стилистические средства выражения трансгуманизма в творчестве украинских писателей-фантастов. Анализируется эволюция и текущее состояние трансгуманистической мысли в украинской литературе. Материалом для исследования служит цикл романов М. И. Кидрука «Бот», являющийся одним из типичнейших представителей поджанра научной фантастики, известного как технотриллер. Установлено, что транслируемый автором месседж носит подчеркнuto алармистский оттенок, что находит яркое отражение на лексико-стилистическом уровне. Идеино он скорее оппонирует трансгуманизму, нежели воспроизводит его технооптимистический дискурс.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нанотехнология, научная фантастика, постчеловек, технотриллер, трансгуманизм.

Введение. О важности и актуальности изучения научно-фантастической литературы, самосбывающийся характер которой с каждым годом даёт всё меньше поводов в себе усомниться, написано и сказано немало. Прогностические сценарии, смоделированные авторами научной фантастики и ставшие впоследствии ошеломляющей реальностью, не просто многочисленны: они чрезвычайно разнообразны и с трудом поддаются количественному подсчёту и системному осмыслению. Не последнюю роль среди этих предсказаний играет проблематика трансгуманизма – пока ещё относительно малоизученная, но уже весьма громко заявляющая о себе концепция, отталкивающаяся от идеи улучшения физических и умственных качеств человека с помощью высоких технологий.

Цель и материалы исследования. Настоящая статья ставит своей целью пролить свет на место и роль украинской научной фантастики в дискурсе трансгуманизма. Достижение указанной цели обеспечивается посредством решения следующих задач: 1) проанализировать эволюцию и текущее состояние трансгуманистической мысли в украинской литературе; 2) изучить лексико-стилистическую специфику выражения трансгуманизма в современной отечественной фантастике на примере цикла М. И. Кидрука «Бот».

Обзор публикаций по теме. Ошибкой было бы считать, будто наша страна держится в стороне от общемировых процессов. Украина – центр восточноевропейского кластера биомедицинских исследований, разработок в области протезирования и геронтологии. Более того, она же фактически является родиной этой науки: здесь родился и работал И. И. Мечников, которого нередко упоминают в числе первопроходцев лонгевизма [14, р. 15]. Он был одним из первых учёных, утверждавших, что «человеческая природа, способная к изменениям точно так же, как и природа организмов вообще, должна быть видоизменена сообразно определённым идеалам» [5, с. 269].

Особым пунктом следует выделить украинский антропокосмизм конца XIX – начала XX вв., который, как показало исследование Н. В. Турпак, отличен от русского космизма и является аутентичным украинскоментальным явлением [7, с. 208]. Исторические корни данного направления прослеживаются в ещё более

раннем времени, а именно – в XVIII в., когда выдающийся философ и просветитель Г. С. Сковорода писал: «О премногобедственное ж наше состояние, если все-на-все одно только есть тленное без вечности» [6, с. 159]. Незвирая на свой натуроцентристский, а подчас и религиозно-мистический подход, указанная духовно-культурная парадигма имела в своей основе немало общих черт с позициями сегодняшних трансгуманистов. Особенно это касается сциентистских утопий В. И. Вернадского, Н. Г. Холодного и С. А. Подолинского. Французский мыслитель П. Тейяр де Шарден, внёсший значительный вклад в развитие идей трансгуманизма, сформулировал свою концепцию теистического эволюционизма, находясь под влиянием лекций, прочитанных Вернадским в 20-е гг. в Сорбонне.

В начале XX века в Киеве, Одессе и Харькове действовали организации анархо-биокосмистов во главе с поэтом А. Ф. Агиенко, которые декларировали своей целью обретение бессмертия, воскрешение мёртвых предков, освоение космоса и полного освобождение человечества от любых форм угнетения, в том числе со стороны природы и пространства-времени [8, с. 284]. В этом же контексте не лишним будет вспомнить об украинской литературной организации панфутуристов (М. В. Семенко, Г. Д. Шкурупий) 20–30-х гг. с её восторженным представлением о грядущем, воспеванием техники и механизмов, а также сугубо футуристским тезисом «машиночеловека».

В советскую эпоху над практической реализацией этих идей трудились академики Н. М. Амосов и В. М. Глушков. Последний выступал активным поборником теории конвертирования разума в цифровую форму, что является краеугольным камнем такой области трансгуманизма, как сеттлеретика. Признанный пионер кибернетики верил в возможность достижения информационного бессмертия всех живых и умерших людей путём сохранения в памяти компьютеров копий структур их сознаний. В современной Украине трансгуманистическое движение пока имеет весьма скромный размах, но сообщество его сторонников существует: с 2006 года, в частности, проводится Всеукраинский форум имморталистов.

При всём этом в сегменте художественной литературы наблюдается куда менее радужная картина. Не

без сожаления приходится констатировать, что ни собственной научно-фантастической школы, ни сколько-нибудь развитого фэндома в нашей стране пока не сформировалось, а издание фантастики с 2000-х годов практически сошло на нет. Квинтэссенцией сложившегося положения можно считать заявление одного из патриархов отечественного сай-фая М. Ю. Дяченко о том, что «в Украине не время для фантастики» [9, с. 169].

Впрочем, если рассматривать жанр в его нынешнем, широком толковании, включая туда городское фэнтези, магический реализм, альтернативную историю, литературный постмодернизм и далее по списку, то под этим углом зрения украинская фантастика имеет богатейший фундамент, уходя корнями ещё в средневековый фольклор и народную апокрифическую литературу. Однако если мы говорим о научной фантастике в строгом понимании этого термина, то сталкиваемся с озадачивающим фактом: число представителей данного направления в нашей стране составляет исчезающе малую величину. Указанная проблема требует отдельного осмысления и поиска возможных путей её решения, пока же отметим, что в связи с вышеозначенными факторами поиск трансгуманизма в украинской литературе является делом более чем затруднительным.

Из советского периода можно вспомнить разве что И. М. Россоховатского с его циклом «Сигомы», повествующем о людях, сумевших превратить себя в бессмертных синтетических существ, а также О. П. Бердника, не устававшего говорить о возможности победы смерти, взойти на другую ступень бытия, сбросить оковы времени и пространства [10, р. 128]. Из более современных произведений с темой иммортализма с некоторой натяжкой можно увязать антиутопии «ТЛЮ™» В. Л. Гранецкой и «Хронос» Т. Г. Антиповича, однако ни та, ни другая работа не является, строго говоря, «твёрдой» фантастикой, так как в первом случае речь идёт о переселении душ, а во втором – о труднообъяснимых с научной точки зрения манипуляциях со временем. Вдобавок у обоих авторов упомянутые действия приводят к катастрофическим последствиям, что идейно помещает их сюжеты в контекст смертнической (читай: диаметрально противоположной иммортализму) парадигмы.

Тем не менее, в каждом правиле есть свои исключения. И в данном случае к таковым можно отнести ровенского писателя М. И. Кидрука, который хоть и не специализируется в жанре фантастики как таковой, отдавая предпочтение остросюжетным приключенческим драмам, но уже имеет в своём активе безошибочно попадающую в эту категорию книжную серию «Бот». Именно это произведение и послужит предметом нашего обсуждения.

Упомянутая дилогия (в перспективе – трилогия: выход заключительной части под названием «Земля фон Неймана») ожидается в следующем году) написана на стыке технотриллера и нанопанка, а потому неудивительно, что Кидрук не обошёл своим вниманием трансгуманистическую повестку. В жанровом отношении цикл во многом наследует сюжетные приёмы Д. Брауна, Т. Клэнси и в особенности М. Крайтона (автор не скрывает, что при написании вдохновлялся его романом «Рой») [3, с. 461]. Если первый эпизод пересказы-

вает на свой лад историю М. Шелли «Франкенштейн» о творении, восстающем против своего творца, то события сиквела «Гуаякільський парадокс» разворачиваются по классическому сценарию зомби-апокалипсиса, неизменному со времён канонических работ Дж. Роме-ро. Действие серии берёт своё начало в секретной лаборатории, в недрах которой на протяжении 15 лет группа блестящих учёных выращивала генетически модифицированных, наспигованных наноагентами детей, которые могли бы вырасти идеальными солдатами, но, по закону жанра, превратились в вышедших из-под контроля киборгов-убийц со сверхчеловеческими возможностями.

Результаты и их обсуждение. Транслируемый автором месседж носит подчёркнуто алармистский характер, что находит яркое отражение на лексико-стилистическом уровне. Приведённые в книгах описания транслюдей не столько восхищают, сколько шокируют и пугают, изобилуя характерной для хоррора поэтикой страха перед Иным и ужаса дегуманизации. Отчётливо превалируют следующие тропы:

- Сравнения с животной, хтонической стихией: *очі палали, як у звіра; агресивний, мов ведмідь; поводитися, цитую: по-дикунські агресивно.*

- Сравнения с насекомыми: *«малюки» нагадують мурах; боти обліпили Хедхантера, немов мурахі сарану; інший, немов навук чіпляючись за стіну, вискочив найманцю на спину.*

- Сравнения с неживыми, обезличенными, нарочито искусственными объектами: *хлопчик мав застигле, подібне на маску обличчя; голови цих «малюків» працювали як комп'ютери; близнюки скидалися на пластик ляльки; очей ніби не було. Тобто вони були, але наче... застигли. Скляні кульки, обрамлені крововиливами; голова більше нагадувала надивовижну реалістичну ляльку з кімнати жахів.*

- Антитезы «человеческому», «естественному»: *не хлоп'я, а щось незнайоме і чуже в подібні невинної дитини; жест був настільки виражено нелюдським; з очей віяло чимось потойбічним, точно не людським; неприродно, в буквальному сенсі не по-людськи; істота за дверима мало скидалася на людину.*

- Метафоры, эпитеты, сравнения и аллюзии, связанные с inferнальными, макабрическими силами: *демон; злі істоти; сатанинська почвара в тілі шмарка того пацана; людоджери; монстри; зомбі; потвора; примара; невидимий паразит; зовсім не дитячі очі, з яких рвалося щось чорне; очі, як у вампіра; морда якогось чудовиська; роздвоєний язик.*

- Гиперболы: *не просто стоять на закрайку, а вже летять у прірву масштабної техногенної катастрофи; страхітливий результат, якого ніхто не те що не очікував, а навіть не міг уявити; гірші за фашистів.*

В образах детей-каннибалов с их неподвижными, не выражающими эмоций лицами-масками автор раскрывает мрачную перспективу победы искусственного интеллекта (к слову, тоже преподносимого в весьма зловещих эпитетах: *психоістота, жахлива форма надсвідомості*). Именно он, как выясняется позднее, является тайным «кукловодом», манипулирующим с помощью наноботов сознанием подопытных подростков в одном из известных им путей.

Символика «плохой науки» выражается в нарочитом выпячивании искаженности, надломленности человеческой природы. Из вышеперечисленных примеров мы видим, что утрате человечности аккомпанирует перерождение в телесном аспекте – в данном случае это угрожающая внешность и визуальное сходство с нежитью. «Мутационный характер постчеловеческих тел, – поясняет О. Е. Гомилко, – порождает постчеловеческую монструозность», и хотя «постчеловечность не равна монструозности, вместе с тем она пугает, отталкивает, вызывает отвращение, страх, неприятие, ностальгию по гуманизму, раздражает. Любые манифестации постчеловечности оцениваются как упадок, деградация, зло, канибализация человечности» [2, с. 186].

Профессор Университета Джорджа Вашингтона Дж. Коэн считает, что этимологически монструозное тело – «это то, что проявляет, предостерегает» [11, р. 4]. Согласно Коэну, монстр стоит «на вратах различия», то есть раздвигает и проблематизирует границы социально и этически допустимого [11, р. 16]. Таким образом, постлюди у Кидрука выступают в роли антигероев в силу естественного соблазна воспринимать нечеловека как недочеловека. Они предстают в роли безжалостного противника с абсолютно чуждым мышлением, утратившего свою личность и эмоции, но при этом необычайно продвинутого технически, тем самым выступая как способ репрезентации чуждого, девиантного, экстремального. Физическое и интеллектуальное превосходство нелюдя используется в деструктивных целях, чтобы, сыграв на контрасте, изобразить обычных людей более гуманными и добросердечными созданиями.

В этом смысле постчеловек приобретает явно монструозные черты, что несёт в себе определённую образно-смысловую нагрузку. С точки зрения И. Уика, образ чудовища в литературе – это естественная реакция на всё, что выходит за пределы человеческого: так мы очерчиваем границы своей собственной онтологии [15, р. 20]. Любое вторжение в нашу природу порождает, согласно наблюдению французского социолога

Б. Латура, «две совершенно различные онтологические зоны, одну из которых составляют люди, другую – нечеловеки» [4, с. 71]. М. Грантем полагает, что монстр – это воплощение социальных, культурных, теологических, а в наши дни ещё и научно-технических страхов и беспокойств [12, р. 13]. На фоне растущей озбоченности усиливающимся влиянием трансгуманистических трендов устрашающая наружность киберсуществ выглядит чем-то вроде защитной реакции.

Такого рода аргументы о дегуманизации типичны для художественной литературы, однако они оспариваются трансгуманистами. «Эволюция человека вовсе не означает преодоления его человечности», – пишет И. Ю. Алексеева [1, с. 17]. Поскольку «человечество – это вид, который изменяет само понятие себя, – продолжает Р. Курцвейл, – его слияние с технологиями, напротив, поможет людям стать... людьми» [13, р. 250].

Выводы. Вышесказанное подводит нас к следующему закономерному выводу: цикл Кидрука «Бот» в целом следует трендам англосферной предостерегающей фантастики «ближнего прицела», используя такие характерные для неё дихотомии, как «естественный/искусственный» и «человеческий/нечеловеческий». Идеино он скорее оппонирует трансгуманизму, нежели воспроизводит его технооптимистический дискурс. Наглядным тому подтверждением является задействованный писателем арсенал изобразительно-выразительных средств языка (тропов и стилистических фигур), несущих в себе экспрессивно-эмоциональную окраску, то есть содержащих элемент оценки – в подавляющем своём большинстве негативной.

Разумеется, делать выводы обо всей украинской фантастике на основе произведений одного автора не вполне репрезентативно. А потому существует явная необходимость в дальнейших исследованиях данного пласта отечественной литературы, равно как и в побуждении писательского сообщества к разработке упомянутой темы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева, И. Ю. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека/И. Ю. Алексеева, В. И. Аршинов, В. В. Чеклецов // Вопросы философии. – М.: Наука, 2013. – № 3. – С. 12–21.
2. Гомилко, О. Постчеловеческие тела: трансформация культурных стереотипов/О. Гомилко // Символы, образы и стереотипы современной культуры: исторический и экзистенциальный опыт. – СПб.: Эйдос, 2000. – С. 180–188.
3. Кидрук, М. Бот/М. Кидрук. – Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2012. – 480 с.
4. Латур, Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии/Б. Латур. – СПб.: ЕУСПб, 2006. – 296 с.
5. Мечников, И. И. Этюды оптимизма/И. И. Мечников. – М.: Наука, 1988. – 328 с.
6. Сковорода, Г. Об истинном человеке или о воскресении/Г. Сковорода // Соч.: в 2 т. – М.: Мысль, 1973. – Т. 1. – С. 153–163.
7. Турпак, Н. В. Світоглядні засади українського антропокосмізму/Н. В. Турпак // Українознавство. – К.: НДІ українознавства МОН України, 2010. – № 3. – С. 205–209.
8. Ударцев, С. Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность/С. Ф. Ударцев. – М.: Форум-М, 1994. – 382 с.
9. Шмалько, А. Украинская фантастика: сегодня или не время для фантастики?/А. Шмалько // Реальность фантастики. – К.: Мой компьютер, 2004. – № 6. – С. 169–174.
10. Berdnyk, O. The Apostle of Immortality/O. Berdnyk // Apostle of Immortality. – Toronto: Bayda Books, 1984. – pp. 111–129.
11. Cohen, J. J. Monster Culture (Seven Theses)/J. J. Cohen // Monster Theory: Reading Culture. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. – pp. 3–25.
12. Grantham, M. The Transhuman Antihero: Paradoxical Protagonists of Speculative Fiction from Mary Shelley to Richard Morgan/M. Grantham. – Jefferson: McFarland, 2015. – 196 p.
13. Kurzweil, R. The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology/R. Kurzweil. – New York: Viking, 2005. – 652 p.
14. Stambler, I. A History of Life-Extensionism in the Twentieth Century/I. Stambler. – Rishon LeZion: Longevity History, 2014. – 542 p.
15. Wick, I. T. Monstrous Fictions of the Human: From Frankenstein to Hedwig/I. T. Wick. – Madison: University of Wisconsin, 2006. – 237 p.

REFERENCES

1. Alekseeva, I. Y. "Techno-people" against "post-people": NBIC-revolution and the future of man/I. Y. Alekseeva, V. I. Arshinov, V. V. Chekletsov // Questions of philosophy. – Moscow: Nauka, 2013. – Vol. 3. – pp. 12–21.
2. Gomilko, O. Posthuman bodies: transformation of cultural stereotypes/O. Gomilko // Symbols, images and stereotypes of modern culture: historical and existential experience. – St. Petersburg: Eidos, 2000. – pp. 180–188.
3. Kidruk, M. Bot/M. Kidruk. – Kharkov: Klub simeinoho dozvillia, 2012. – 480 p.
4. Latour, B. We have never been modern: essays in symmetrical anthropology/B. Latour. – St. Petersburg: EUSPb, 2006. – 296 p.
5. Mechnikov, I. I. Etudes of optimism/I. I. Mechnikov. – Moscow: Nauka, 1988. – 328 p.
6. Skovoroda, G. On the true human being or the resurrection/G. Skovoroda // Essays: in 2 volumes. – Moscow: Myisl, 1973. – Vol. 1. – pp. 153–163.
7. Turpak, N. V. World outlook basis of Ukrainian anthropocosmism/N. V. Turpak // Ukrainology. – Kiev: NDI ukrainoznastva MON Ukrainy, 2010. – Vol. 3. – pp. 205–209.
8. Udartsev, S. F. Political and legal theory of anarchism in Russia: past and present/S. F. Udartsev. – Moscow: Forum-M, 1994. – 382 p.
9. Shmalko, A. Ukrainian fiction: today or not the time for fiction?/A. Shmalko // The reality of fiction. – Kiev: My computer, 2004. – Vol. 6. – pp. 169–174.

Stylistic means of expressing transhumanism in «Bot» series by Max Kidruk

P. N. Donets

Abstract. The article examines stylistic devices in which Ukrainian science fiction writers express transhumanist ideas. The evolution and current state of transhumanist thought in Ukrainian literature is being analyzed. The series of novels “Bot” by M. I. Kidruk, which serves as one of the most typical representatives of science fiction subgenre, known as techno-thriller, has been chosen as an object to be studied. It is found out that the message translated by the author has obvious alarmist traits, which can be observed at stylistic and lexical level. Ideologically his novels rather oppose transhumanism than reproduce its techno-optimistic discourse.

Keywords: *artificial intelligence, nanotechnology, posthuman, science fiction, techno-thriller, transhumanism.*